

— Ли Жун! — голос Цэнь Сяо звучал почти спокойно, но пальцы, которыми он пытался стереть кровь с губ юноши, неудержимо дрожали.

Он не мог это контролировать. Стоило коснуться тёплой влаги, как ужас того рокового дня нахлынул на него подобно цунами — настолько осязаемый, что, казалось, он никогда и не исчезал.

— Я в порядке... — голос Ли Жуна был хриплым, но твёрдым.

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох, сглатывая горький привкус железа, а затем свободной рукой нажал на отбой.

Цэнь Сяо порывисто включил свет. Вид Ли Жуна внушал ужас: кровь залила его ладонь и тонкими струйками стекала между пальцев, оставляя на светло-бежевом пододеяльнике багровое пятно. Юноша был смертельно бледен, губы совсем обескровели. Со слегка опущенными веками, за которыми скрывались тёмные зрачки, он казался настолько хрупким, что мог рассыпаться от малейшего прикосновения.

Стиснув зубы и сжав кулаки, чтобы унять дрожь, Цэнь Сяо процедил сквозь силу:

— В больницу. Сейчас же.

Ли Жун спрятал окровавленную руку за спину и попытался слабо улыбнуться.

— Ну посмотри на себя, чего ты испугался? Скорее всего, это просто желудок. Пойду умоюсь.

Он действительно не считал, что случилось нечто непоправимое, хотя даже эти несколько фраз дали ему с огромным трудом. Ли Жун признавал: поступок Чжэн Чжупаня стал для него сильнейшим ударом, но он не собирался сдаваться. Самые тёмные времена уже миновали, впереди — только свет. Всё обязательно наладится.

Цэнь Сяо, подавляя внутренний хаос, выхватил телефон из рук Ли Жуна и быстро набрал номер Чжай Нин, чтобы та подготовила всё для осмотра. Игнорируя протестующие вздохи, он откинул одеяло и помог юноше подняться.

Староста хотел справиться сам, но чувствовал, в каком состоянии находится его спутник. Он никогда не видел Цэнь Сяо таким: тот отчаянно пытался казаться невозмутимым, но чем сильнее маскировался, тем более беспомощным выглядел.

«Цэнь Сяо всегда казался слишком сильным, — подумал Ли Жун, — и потому я совсем забыл:

ему тоже не помешал бы визит к психотерапевту»

Опираясь на Цэнь Сяо, юноша дошёл до ванной. В груди всё горело, во рту стояла невыносимая горечь. Пересилив тошноту, он мельком взглянул на своё измождённое отражение в зеркале и склонился над раковиной, смывая с рук уже начавшую густеть кровь.

Алый цвет постепенно исчезал, уходя в сток вместе со струями воды. Кожа снова стала чистой и бледной, только кончики пальцев леденели настолько, что даже холодная вода казалась почти тёплой. Ли Жун закрыл глаза, понимая, что в его нынешнем состоянии любые попытки утешения будут звучать неубедительно, и перестал сопротивляться.

В Центральной больнице «Цзяцзя» их уже ждали — Чжай Нин распорядилась провести Ли Жуна через экстренный коридор. Когда черед обследований закончилась, на улице уже рассвело.

Ли Жун лежал на больничной койке с закрытыми глазами, совершенно обессиленный. Если бы его грудь не вздымалась в ровном ритме дыхания, натянутая до предела нервная струна Цэнь Сяо окончательно бы лопнула.

Просмотрев результаты анализов, Чжай Нин с облегчением выдохнула и негромко произнесла:

— Острая язва желудка. Резкий скачок давления спровоцировал разрыв сосуда. К счастью, ничего критического, но его желудок и раньше был не в лучшем состоянии, поэтому теперь нужно быть предельно осторожными.

Цэнь Сяо закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

— Спасибо, — голос его был надтреснутым и хриплым.

Врач с тревогой посмотрела на него. Цэнь Сяо был напряжён как натянутая тетива, на его лице пылал нездоровый румянец, а волосы у висков взмокли от пота. На протяжении всего обследования он выглядел так, словно столкнулся с самым страшным врагом в своей жизни. Только когда подтвердилось, что жизни Ли Жуна ничего не угрожает, он начал приходить в себя.

«Всего лишь острая язва, — подумала Чжай Нин. — Я видела сотни пациентов в гораздо более тяжёлом состоянии, но ни один из их родственников не реагировал так, как Цэнь Сяо»

Она не удержалась от замечания:

— С ним всё будет в порядке. А вот на вашем месте я бы обеспокоилась. Похоже на симптомы ПТСР, вам стоит сходить на консультацию к психологу.

Цэнь Сяо промолчал.

Чжай Нин лишь вздохнула. То, через что им пришлось пройти, обычному человеку не выпадает и за всю жизнь. В мире, где подлость не знает границ, сохранить в себе силы жить и сражаться — уже великий подвиг. Сейчас у них просто не было времени на исцеление душевных ран. Ли Жун слишком рано оборвал звонок — Чжай Нин не успела сказать, что проверка в Комиссии по ценным бумагам завершится очень скоро. Настолько скоро, что на разработку ответных мер почти не оставалось времени. Но в этот момент она так и не решилась произнести это вслух.

Лекарства подействовали, и боль в желудке утихла, но тело Ли Жуна всё ещё сковывала свинцовая усталость. Тяжёлое давление, вызванное новостями о компании «Сухэ», никуда не исчезло. Цэнь Сяо провёл у его кровати всю ночь, не сомкнув глаз. Когда ужас в его взгляде наконец угас, в глубине зрачков воцарилась непроглядная, как омут, тьма.

Он по-прежнему сжимал руку Ли Жуна, согревая его пальцы, и вдруг прошептал удивительно спокойным тоном:

— Может, просто убить Чжэн Чжупаня?

Он произнёс это так обыденно, словно обсуждал погоду за окном. Ли Жун едва заметно провёл пальцем по его ладони.

— Как ты убил Ду Минли?

Цэнь Сяо медленно покачал головой:

— Ду Минли отделался слишком легко. Для Чжэн Чжупаня у меня припасены методы куда изощрённее.

Ли Жун чуть надул губы, в его голосе прозвучало утомление:

— Этого мало. Просто смерти — слишком мало.

— Прости, я поторопился, — мягко отозвался Цэнь Сяо.

К счастью, в палате они были одни, иначе любой случайный свидетель этой беседы исцелился бы мгновенно и в ужасе сбежал из больницы.

Об инциденте с кровью Ли Жун просил не сообщать никому, кроме Чжай Нин. Он и сам не

ожидал, что его организм окажется настолько уязвимым — казалось, старые раны давно затянулись, но на поверку они всё ещё кровоточили.

Они вернулись домой и проспали до шести вечера, прежде чем силы начали возвращаться. Ли Жун принял душ, переоделся и замер перед зеркалом. В глазах появился блеск, хотя лицо всё ещё хранило печать недавней болезни. Но медлить было нельзя — сведения от Чжай Нин требовали действий. Цэнь Сяо, хоть и беспокоился, понимал: преграждать ему путь не стоит. Ли Жун делал то, что должен был. Как он сам когда-то сказал — его битва не прекращалась ни на секунду, и он никогда не склонится перед чужой волей.

Ли Жун позвонил Цзян Вэйдэ и договорился о встрече. Профессор, хоть и удивился, отказываться не стал. В половине восьмого вечера Цэнь Сяо высадил юношу у ворот Исследовательского института «Хунсо». Спустя годы юноша снова оказался у штаб-квартиры.

Он смотрел на величественные белые корпуса, на огромную территорию и строгую охрану, чувствуя лёгкую грусть. Когда-то он входил сюда каждый день как к себе домой, теперь же ему требовалось регистрироваться на посту.

Внутреннее убранство института почти не изменилось за эти годы. Чжу Янь был консерватором до мозга костей: за исключением научного оборудования, которое обновлялось регулярно, он запрещал трогать что-либо ещё. С возрастом люди начинают болезненно привязываться к привычным вещам, испытывая инстинктивный страх перед всем новым и чужим.

Кабинет Цзян Вэйдэ на шестом этаже занимал добрых двадцать квадратных метров. Ли Жун бывал здесь слишком часто, чтобы рассматривать обстановку. Он подошёл прямо к наставнику и посмотрел на него — в этом взгляде на миг отразился образ того мудрого и доброго учителя из прошлой жизни.

— Учитель.

Цзян Вэйдэ планировал уйти пораньше, чтобы помочь жене с выбором мебели, но после звонка Ли Жуна немедленно отменил все планы. Он был искренне рад видеть юношу, но, заметив его состояние, невольно нахмурился:

— Что с тобой? Почему ты выглядишь таким измождённым?

Ли Жун проигнорировал вопрос и спросил сам:

— Учитель, как поживает мой друг, которого я пристроил на стажировку?

Наставник на мгновение растерялся:

— Ну... я ещё не спрашивал.

У него просто не было времени интересоваться кем-то, кроме самого Ли Жуна. Возможность, которую он предоставил этому студенту, была лишь жестом вежливости в сторону юноши, хотя жалоб от подчинённых действительно не поступало.

Ли Жун кивнул. Он прекрасно понимал, что профессору нет дела до таких мелочей, но сама манера ответа — мягкая и щадящая — говорила о многом. Видимо, сейчас он и впрямь выглядел довольно жалко. Ли Жун не собирался ходить вокруг да около — у него не было на это ни терпения, ни времени. Он посмотрел Цзян Вэйдэ прямо в глаза, и в его взгляде вспыхнула решимость, которой тот никогда не видел прежде.

— Учитель, я хочу возобновить исследования Люйиньсюй.

Простая фраза, произнесённая мягким тоном, заставила профессора буквально подскочить в кресле.

— Что ты сказал?!

Название Люйиньсюй, хоть и оставалось незримой тенью за любым разговором, не произносилось вслух уже очень давно. Казалось, все заключили негласное соглашение обходить эту тему стороной. И такой умный человек, как Ли Жун, должен был понимать правила этой игры.

— Я собираюсь возобновить исследования Люйиньсюй, — спокойно повторил юноша. Несмотря на физическую слабость, от него исходила необъяснимая, давящая сила.

Лицо Цзян Вэйдэ стало предельно серьёзным.

— Ли Жун, я понимаю, как тяжело тебе оправиться от случившегося. Ты ещё слишком молод. Твоя главная задача сейчас — учиться, закладывать фундамент знаний, двигаться вперед шаг за шагом.

Ли Жун усмехнулся и опустил взгляд, явно пропуская нравоучения мимо ушей. Он произнёс ровным голосом:

— Учитель, вы ведь прекрасно понимаете, насколько нелепо выглядит полный запрет на работу с Люйиньсюй. Даже если разработка лекарства провалилась, стандартная процедура требует анализа причин, обобщения опыта и попытки изменить переменные на основе имеющихся данных. А не простого наложения грифа «секретно» и отказа лечить эту болезнь в принципе.

Профессор знал, что Ли Жун прав, но порой признать очевидное слишком трудно.

— Ли Жун, всё гораздо сложнее, ты многого не понимаешь.

Юноша вскинул бровь.

— Я не понимаю? Или кто-то очень не хочет понимать?

Цзян Вэйдэ некоторое время молча изучал его. Образ Ли Жуна в его глазах начал меняться. Несмотря на болезненную бледность, перед ним больше не было того жизнерадостного студента. Его место занял уверенный в себе и опасный молодой человек. У Цзян Вэйдэ тревожно задёргалось веко.

— Люйиньской вызвал в обществе крайне негативный резонанс, — сурово произнёс он. — Дело уже не в провале лекарства. Ситуация запутана до предела. Даже спустя два года последствия всё ещё ощутимы. Дело не в том, что исследования нельзя возобновить, но пойми: все учёные — обычные люди. В обществе до сих пор сильны предубеждения против этого препарата, и никто не хочет навлекать на себя гнев толпы. Заморозка проекта была вынужденным жестом со стороны «Хунсо». Я знаю, тебе горько, но реальность часто не совпадает с идеалами. Ли Жун, я и так сказал тебе больше дозволенного. Поверь, когда-нибудь это пройдёт, и исследования возобновятся. Но не сейчас.

Ли Жун на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, взгляд его стал холодным. Людское равнодушие и лицемерие — он сполна вкусил этого после трагедии с родителями. Тогда маски слетели со всех.

— Другим и не нужно рисковать. Просто передайте мне все материалы по Люйиньской, я займусь этим сам.

Цзян Вэйдэ посмотрел на него как на безумца. В его взгляде смешались жалость и бессилие. Он медленно покачал головой:

— Продолжай учиться. Когда ты действительно достигнешь высот в науке, я лично подам прошение директору и в следственную группу, чтобы проект передали тебе. Но то, что ты предлагаешь сейчас — это просто ребячество!

— А если я докажу, что это не так? — ледяным тоном отозвался Ли Жун.

Профессор начал выходить из себя. Он раздражённо застучал костяшками по столу.

— Ты хоть представляешь, насколько сложен этот проект?! Сколько знаний, по-твоему, в твоей голове? Ты хоть страницу сможешь понять из того, что оставили твои родители?!

Услышав это, Ли Жун не только не смутился, но и одарил наставника спокойной, почти сострадательной улыбкой.

— Разумеется, я всё пойму. Ведь «Гипотезу об оптимизации CAR-T и ослаблении CRS» подготовил и опубликовал именно я... Учитель.

На последнем слове он намеренно сделал акцент, вложив в него едва уловимую насмешку. Цзян Вэйдэ замер, словно поражённый молнией, и лицо его мгновенно исказилось.

<http://bllate.org/book/15351/1571576>